

как хоронили Высоцкого

Иосиф Кобзон — Газете

Газета - 2003 - 28 июля - с 10.

На днях исполнилось двадцать три года со дня похорон **Владимира Высоцкого**. Тогда кончину известного поэта и актера советская пресса всячески старалась не заметить. Молчание официальных СМИ породило множество неофициальных версий, правдивых и не очень. О том, как хоронили Владимира Высоцкого **Николаю Добрухе** специально для Газеты рассказал **Иосиф Кобзон**.

После ухода Высоцкого вокруг его похорон распространяется столько слухов, что лучше рассказать все как было, чем развешивать каждый из них. Тем более что невольно я оказался в самом центре событий. 25 июля 1980 года в 8 утра мне позвонили близкие друзья Высоцкого Сева Абдулов и Валерий... Нет, не Золотухин. Валерий Янкович. Позвонили и сообщили о наступившей трагедии, о том, что в четыре часа не стало Володи. Потом сказали, что семья очень просит, чтобы его похоронили на Ваганьковском. А для того чтобы похоронить на Ваганьковском, нужно было обязательное разрешение Моссовета. Во-первых, кладбище закрытое. Во-вторых, по статусу Володя... как бы... не подходил, потому что у него не было никакого звания...

До этого вы с ним часто встречались?
Много встречались. Особенно часто встречались, когда я был женат на Гурченко. Он неоднократно приходил к нам, и мы с ним, как почти все в те времена, любили сидеть у нас на кухне. Однажды пришел он очень расстроенный. Вышел фильм «Служили два товарища». В фильме должны были быть две его песни, песни вырезали. Володя пришел с гитарой. И стал на кухне петь нам эти песни... Дело было на Маяковке, на квартире Гурченко. Точнее, это была наша квартира, хотя оформлена была она на нее. Потому что, когда мы встретились и начали жить с Гурченко, Ангелина Степанова, мать Шуры Фадеева, предыдущего мужа Гурченко, сказала: «Купите квартиру моему сыну. Не будет же он жить на улице». И я купил Шуру квартиру, хотя у меня тогда уже была и своя квартира на проспекте Мира. Однако о Высоцком. Он звонил мне. Я ездил к нему в гости, когда он жил еще на Матвеевской. Потом встречались у него дома на Малой Грузинской. У нас были общие друзья, капитаны дальнего плавания из Одессы Толя Горогуля и Феликс Дашков. Надо сказать, они нас сближали. Но особой личной дружбы у нас не было. Как-то выступаю я в саду «Эрмитаж», в Летнем театре. Приезжает из ресторана ВТО Высоцкий. И... значит... говорит: «Иосиф, купи у меня песню». Я говорю: «Володя, ты с ума сошел. Я не покупаю песен». Он говорит: «Ну тогда дай 25 рублей». Я говорю: «Это другой вопрос...» Смешно получилось. А один раз, когда с марта по ноябрь в 1971 году я еще ухаживал за Нелей, возвращался с концерта в гостиницу «Ленинградская», в которой жил тогда в Сочи. Вхожу, а в холле стоят Володя... Высоцкий и Марина Влади. — Ой, — говорю, — ребята, привет! — Привет! — Вы чего здесь делаете? — Вот сошли с теплохода и коротаем ночь. Утром собираемся к Горогуле идти, на «Грузию». Мест в гостинице нет. Я говорю: — У, ерунда какая. Поехали ко мне. Приехали на мой 10-й этаж, и я отдал им свой

люкс. Договорился, чтобы им поменяли постель, а сам пошел спать на балкон — в номер, где жили моя будущая теща и Неля. Встречались от случая к случаю. Но случаи были яркие. Когда в 1974-м у меня родился Андрюшка, я поехал забирать его и Нелю в роддом. Едем мы из родильного дома, и вдруг на Дмитровке нас обгоняет красный «Пежо». Обгоняет и тормозит. Это был январь месяц, и я держал Андрюшку в одежде. Из «Пежо» выходит Володя. Говорит: «Покажи! Кого родил?» Я выхожу. Показываю. Володя снимает с шеи крестик и говорит: «Поздравляю!».

Так он же неверующий был?
И я неверующий. Но говорю же вам, как это было. «Поздравляю!» — говорит. «Спасибо, — говорю, — Володя...» Когда разъехались, я сказал: «Ну точно, Андрюха или гениальным будет, или бандитом...» Когда Володи не стало и возник вопрос, что дальше делать, собрались Евтушенко, Вознесенский, Белла Ахмадулина, другие близкие знавшие его люди. Трое суток не выходили мы из его дома. Володя лежал у себя в доме. Его не отдали в больницу. Вскрыть не дали. И правильно сделали. Потому что было бы столпотворение... Однако про самое главное — про кладбище. Я сразу поехал в Моссовет. У меня был там очень хороший доброжелатель — Коломин Сергей Михайлович, первый заместитель Володи Семена Владимировича. Стали смотреть, куда бы можно было положить Володю. «Нет, нет, — говорил отец, — только на аллее поэтов». Мы пошли туда, но это была такая глупость... по одной простой причине: там почти нет места, и, зная популярность Высоцкого, можно было гарантировать, что от других могил ничего не останется, когда на кладбище хлынут его поклонники. А директором кладбища был бывший мастер спорта по футболу... Кстати, то, что пишет Марина про это в своем «Прерванном полете» — вранье. Было, что я полез в карман за деньгами, но никаких тысяч я даже достать не успел. Он остановил мою руку и говорит: «Не надо, Иосиф Давыдович! Я Высоцкого люблю не меньше вашего...» И мы вместе пошли выбирать землю. Я сказал: «Представляете, сколько придет народу... хоронить? Вам разметут все кладбище. Поэтому нужно какое-то открытое место, например здесь» — и указал место, где теперь находится могила Володи. А тогда там был асфальт. Он сказал: «Я не против, если будет разрешение Моссовета». Я говорю: «Хорошо!» И опять в Моссовет, к Коломину. Говорю: «Если хотите избежать давки и большого скандала в Москве, нужно хоронить только там». «Ну там так там!» — сказал Коломин и подписал разрешение, чему я несказанно был рад... И то, что пишет Марина Влади — врет. Ее еще не было в Москве, а она пишет: «Мы пошли (якобы мы с ней)... пошли выбирать место для Володи». Да ее близко там не было. И она еще пишет, что я какие-то пачки денег вытаскивал. Когда я ее встретил, сказал: «Ну как тебе не стыдно?» Она мне говорит: «Иосиф, это же книга. У книги должны быть читатели!» Я говорю: «Ну нельзя же так бессовестно привлекать чи-

тателей! Нельзя же так враты!» Я с ней поспорил...

После решения вопроса с могилой я позвонил в ЦК комсомола и попросил Бориса Николаевича Пастухова разрешить некролог в «Комсомольской правде». Пастухов поддержал это предложение.

Но некролог в «Комсомолке», к сожалению, так и не вышел. Перелистали подшивку за конец июля — начало августа, увы... Некрологи были только в «Вечерней Москве» и, кажется, в «Московском литераторе».

После похорон началась долгая борьба за памятник на кладбище. Годы шли, а памятник не было. Народ уже роптал: «Как не стыдно? Столько друзей, а памятник поставить не могут!» Между тем начальник управления культуры при Моссовете Шкодин собрал всех, кто мог бы решить эту задачу. А в связи с тем, что по закону на могиле нельзя ничего делать без разрешения хозяев могилы, шли переговоры. Хозяев было двое: Марина Влади, жена, и отец Высоцкого. Марина сперва хотела установить глыбу без всяких изображений. И друг Володи Вадим Туманов нашел на Урале подходящую глыбу. Однако отец с матерью и сыновья Володи считали, что нужно хоть какое-то изображение. А Марина — ни в какую: никакого изображения, только глыба. И глыбу привезли. Во двор Театра на Таганке. Новый поворот. Марина передумала: дескать, хочу не глыбу, хочу... метеорит. Ну мы все развесили уши по этому поводу: метеорит так метеорит, давайте как-то впишем его в глыбу. И опять: нет! Так прошло три года. Я снова обратился в Моссовет. Говорю: «Пошел четвертый год, а могила Высоцкого без памятника. Нас могут неправильно понять. Люди могут подумать, что как при жизни ему не давали ходу, так и после смерти делают все, только бы не воздать должное».

И тогда объявили конкурс на лучший памятник. В Театре на Таганке выставили около двух десятков скульптур. В итоге выбрали ту, которая сейчас стоит. А Марине сказали: «Пожалуйста, вписывай в него метеорит, если он у тебя есть». Знающие люди над этим желанием просто смеялись, потому что метеорит не может быть в частных руках. Может принадлежать только Академии наук. И стоит может миллионы рублей и даже долларов.

В конце концов нам удалось преодолеть ее сопротивление следующим образом. Ей сказали: «Все! Мы ставим конкурсный памятник. Это решение семьи, то есть половина памятника. Вторая половина — твоя! Хочешь, ставь рядом свой метеорит, если он у тебя есть!»

И тогда она психанула, сказала, что не хочет ничего ни слышать, ни видеть. И уехала. Так появился памятник на могиле Высоцкого. На открытие памятника она не приехала. Сказала, что он ее не интересует. Зато с удовольствием на правах жены приезжала получать огромные валютные гонорары за издание миллионными тиражами книг Высоцкого, аудио-, видеозаписей и прочего. Во всяком случае повела она себя недостойно жены великого Высоцкого. Так я считаю. Она, конечно, это знает. У меня не было желания общаться с этой женщиной.

И только общее горе нас сблизило... К памятнику, который стоит у Петровских ворот, я, слава Богу, не имею отношения. Высоцкий таким никогда не был. И хотя я пел на его открытии, это было символическое отношение к Высоцкому, но не к этому памятнику.